

Источник: Зинин С. И. Строптивый Алексей Ганин // Неизвестный Есенин : в плену у Бениславской / С. Зинин. – М., 2010. – С. 138-145.

СТРОПТИВЫЙ АЛЕКСЕЙ ГАНИН

С.Есенин был не только душой многих пьяных компаний, но и основным плательщиком любителей выпить и поесть за его счет. Неудивительно, что некоторые друзья его не хотели смириться с утратой своего благополучия, если Бениславская вырвет из их рядов Есенина. Угрозы в свой адрес Галина слышала неоднократно. Некоторые озлобленные собутыльники предлагали от слов перейти к делу.

Как-то Галина в задумчивости стояла у щита возле буфета, дожидаясь С.Есенина. Неожиданно до нее долетела фраза, произнесенная кем-то в зале:

— Ну, убрать ее можно в два счета. В переулке избить. Недели две не встанет, а там пускай бегают...

Голос показался Бениславской знакомым, очень похожим на дикцию Алексея Ганина. Значит, прав был Сергей, предупреждая об угрозе. Стало немного не по себе. Нашу-пала револьвер в сумке. Не из робкого десятка, но лучше быть предусмотрительной, чем избитой.

Бениславская недружелюбно относилась к А.Ганину, причисляя его к самым отъявленным собутыльникам Сергея.

Ганин Алексей Алексеевич был старше Есенина на два года. Родился в многодетной крестьянской семье в деревне Коншино Вологодской губернии. Окончил трехклассное земское училище в селе Мочалово, а затем двухклассное земское училище в селе Устье Кубенское. Рано стал писать стихи. Любил местный фольклор, который впоследствии органично вошел в его поэзию. Поступил в медицинское училище Вологды, по окончании стал работать фельдшером. В Первую мировую войну был мобилизован и отправлен в Николаевский военный госпиталь в Петроград. В столице познакомился с поэтами Есениным, Клычковым, Орешиним, Ключевым, Пименом Карповым. Писал антивоенные стихотворения «Война» («Ты подумай, как страшно теперь..»); «Далекий век, от колыбели...», опубликованные после революции.

Знакомство с Есениным переросло в дружбу. А.Ганин пытался помочь С.Есенину опубликовать в Вологде антивоенную поэму «Галки», которую в Петрограде не пропускала цензура.

Февральскую революцию встретил в Петрограде. Стихотворения Есенина и Ганина печатались в левоэсеровской газете «Дело народа». Алексей был увлечен Зинаидой Райх, посвящал ей свои стихи. В августе С.Есенин, З.Райх и А.Ганин совершили поездку по северу России. В Вологде Сергей Есенин и Зинаида Райх обвенчались. Ганин был поручителем со стороны невесты.

Вскоре молодожены стали жить в доме № 33 по Литейному проспекту, снимая две комнаты. В одной из комнат этого же дома поселился и Ганин. Жили коммуной, возложив ведение домашнего хозяйства на Зинаиду.

После Октябрьской революции А.Ганин добровольно вступил в Красную Армию. Служил фельдшером в различных госпиталях Северного фронта, затем поступил в Вологодский педагогический институт, женился.

С.Есенин пытается привлечь А.Ганина в группу поэтов-имажинистов. В сборник «Конница бурь» (1920) были

включены произведения А.Ганина, С.Есенина и А. Мариенгофа, но имажинистом А.Ганин не стал.

В Вологде осуществил выпуск сборников своих стихов. Сам изготавливал макеты небольших книжечек и оформлял их обложки, на досках вырезал буквы, иллюстрации и затем печатал книжки литографическим способом. За два года под маркой выдуманного издательства «Глина» выпустил десять сборников своих произведений по 12—14 страниц каждый. Таковы книжечки «В огне и славе», «Красный час», «Вечер», «Золотое безлюдье», «Кибураба» и другие. Книжечка «Красный час» вышла с посвящением С.Есенину: «Другу, что в сердце мед, а на губах золотые пчелы — песни — Сергею Есенину».

В 1921 г. многие стихотворения из литографических сборников А.Ганин включил в свою книгу «Мешок алмазов». Московский критик Н.Я.Абрамович в рецензии одним из первых обратил внимание на талант поэта. В вологодском журнале «Кооперация Севера» А.Ганин печатал и прозаические произведения.

Осенью 1923 года А.Ганин переезжает в Москву. Он полон творческих замыслов. «Я приехал сюда, в Москву, как в центр научной и литературной работы, — писал он в своих показаниях после ареста чекистами, — так как начаты мною работы, ряд художественно-драматических хроник: «Освобождение рабов», «Иосиф» и несколько других из истории эллинского Рима и России. Кроме того, мною начат большой роман, который бы охватывал жизнь России в целом за последние двадцать лет, действие в котором разыгрывается, в отличие от всех существующих романов, не на любовной интриге, а на социально-экономических условиях. Все вышеуказанные работы требовали от меня знаний истории последних лет в целом. Но приезд мой для меня оказался роковым. Все мои работы, особенно последняя, рассчитанная приблизительно на десять лет, требовали еще некоторой, хотя бы минимальной обеспеченности, которой у меня абсолютно не было»

Алексей Ганин жил на случайные заработки, его произведения не издавались. Свое отчаяние и бессилие он пытался утопить в пьянстве. «Я оказался в крайне отчаянном положении, — говорил он на допросах, — без работы, без комнаты, без денег. И так продолжалось с 1923 года, с сентября месяца, до дня ареста. Питался большей частью в кафе Союза поэтов «Домино». Позднее — «Альказар» и «Стойло Пегаса». А ночевал — где настигнет ночь».

Не имея собственного жилья, А.Ганину приходилось ютиться у друзей, которые сами не были благоустроены. «Я окончательно остался на мели, во власти всяких случайностей, — признавался он. — Вечера до глубокой ночи проводил в кафе, в пивных, а ночевать ходил к моему бывшему другу поэту Есенину в дом «Правды» по Брюсовскому переулку, где познакомился с его тогдашней женой Галей, ни фамилии, ни отчества которой я не знаю и до сих пор».

Алексей на многих производил неприятное впечатление опустившегося и обозленного на весь мир неудачника. Но не за это Галина невзлюбила его. «На Сергея Александровича, — вспоминала она, — он действовал не разглагольствованиями, а своим присутствием. При нем Есенин делался очень раздраженным и болезненно подозрительным, каждую минуту назревал скандал. При этом Ганин нагло требовал вина и вина, и при этом требовал, чтобы Сергей Александрович тоже пил с ним. Поэтому при Ганине было почти невозможно удержать Сергея Александровича от пьянства».

Его стихи не печатали в газетах и журналах по разным причинам. На это у него была одна и та же реакция. Он доказывал, что везде сидят иновверцы, которые его, настоящего русского поэта, притесняют и ненавидят.

Антисемитские суждения Ганина часто слышали в пьяных сборищах, а он любил выпить за чужой счет. Затем пристрастился к кокаину. В кругу близких стал высказывать предположения, что скоро большевистская власть будет свергнута, ей на смену придет народное правительство. В одной из таких захмелевших бесед Ганин рассказал Есе-

нину, что уже сформировано новое правительство и если Есенин захочет, то в этом правительстве ему будет предложен пост министра народного просвещения. Ганин не только предложил, но и записал фамилию Есенина в этот список будущего кабинета министров. Это вывело Есенина из себя, он разозлился, послал Ганина к черту и потребовал, что тот немедленно вычеркнул из списка его фамилию и никогда об этом не вел ни с кем в будущем разговоры. Ганин не стал возражать, вместо Есенина в список министром народного образования вписал поэта Приблудного.

Разговоры о засилии евреев, к большому неудовольствию Галины Бениславской и Анны Назаровой, неоднократно возникали в их квартире во время застольных бесед Н.Клюева, А.Ганина, И.Приблудного и С.Есенина.

Однажды Иван Приблудный на квартире Бениславской зачитал друзьям отрывок «Гонта в Умани» из поэмы «Гайдамаки» Т.Г.Шевченко. Он обратил внимание на эпизод, когда Гонта убил своих детей только за то, что их мать-католичка помогала иезуитам обратить их в католическую веру.

Возбужденный Есенин не стал вникать в достоверность рассказанного случая из жизни гайдамаков и сказал сидевшей рядом Бениславской:

— Слушайте, слушайте. Вот это самое. И я, если на то пойдет, сам отдам своих детей. Они тоже от еврейки. Плакать буду, но отдам, не пожалею.

Наутро, протрезвев, Есенин, узнав о своем высказывании, недоумевал:

— Ведь ничего во мне нет против них. А когда я пьяный, мне кажется бог знает что.

Виновников, провоцировавших его на такие выступления, не искал. Он знал, что они сидят с ним рядом, выжидая нужный случай, чтобы еще больше подлить масла в огонь.

Клюев завидовал растущей поэтической славе Есенина. Он был старше, хитрее и дальновиднее, мог сыграть на самых сокровенных чувствах, пробуждая в Есенине недовольство и ненависть. Часто затрагивалась в беседах тема

о засилии «жидов» в общественной жизни России, о вытеснении ими русских поэтов и писателей. Н.Клюев нашел хорошую поддержку в лице А.Ганина, также смотрящего обиженными глазами на окружающий его мир. Перед таким тандемом Есенину было трудно устоять.

При этом Клюев преподносил себя как «жертву». Он рассказывал, как радостно встретил революцию, как вступил в мае 1918-го в Вытегре в партию большевиков. Но основные положения советской власти ему были чужды. Не мог он смириться и с гонением на религию. Не скрывал своей любви к древнему иконописному искусству, собирал по храмам, которые закрывались и разорялись, иконы, в ценности которых он хорошо разбирался. За это собирательство икон и посещение богослужений 28 апреля 1920 г. его исключили из партии. Смиренный Николай Клюев отреагировал на это протестными речами среди земляков или чтением написанных новых своих стихотворений. Его подвергли кратковременному аресту, затем выслали в Петроград. Об этих событиях Н.Клюев рассказывал с учетом своих интересов. Старался подчеркнуть, что для новой власти их поэтическое дарование не нужно. А. Миклашевская вспоминала: «Клюев опять говорил, что стихи Есенина сейчас никому не нужны. Это было самым страшным, самым тяжелым для Сергея, и все-таки Клюев продолжал твердить о ненужности его поэзии. Договорился до того, что, мол, Есенину остается только застрелиться. После встречи со мной Клюев долго уговаривал Есенина вернуться к Дункан».

Н.Клюев не скрывал своего отношения к новой власти и евреям. Рассказывая о трудностях, он не забывал подчеркивать, что это все потому, что «жиды правят Россией». Фраза «не люблю жидов» часто служила дополнительной характеристикой того или иного еврейского поэта, писателя, общественного деятеля. Более резок в оценке событий был и Алексей Ганин, который утверждал, что Россия стоит накануне гибели, а ее многомиллионное русское население обречено на рабство и нищету, так как захватившие власть

«еврейские выродки» целенаправленно уничтожают беззащитное сельское население.

В подобные споры и обсуждения нередко вступал и Есенин, для которого слово «жид», по наблюдениям Ани Назаровой, было «чем-то вроде красного для быка». Во время пребывания за рубежом поэт был осведомлен о засилии нерусских в высших органах власти России. Это его задевало, вызывало критическую оценку. Наиболее отчетливо свое настроение выразил в письме А. Кусикову, написанном 7 февраля 1923 г. на борту океанского лайнера в Атлантическом океане при возвращении из США в Европу. «Сандро, Сандро! — взволнованно исповедовался поэт. — Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если б я был один, если б не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь. Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блядское снисходительное отношение власть имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей-богу, не могу. Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу».

Возвратившись на родину, на «большую дорогу» поэт не вышел, но с названными проблемами столкнулся лоб в лоб. Правда, теперь он был не один. Рядом были единомышленники, сочувствующие. О том, что обсуждение положения русских в стране не раз возникало в разговорах, можно судить по сохранившимся дарственным надписям С.Есенина: «Сокол милый, люблю Русь, прости, но в этом я шовинист»; «Тех, кто ругает, всыпь им. Милый Сокол, давай навеки за Русь выпьем», «Милому Соколу, ростом не высокому, но с большой душой русской и все прочее»; «Николаю Хорикову за то, что он русский».

Подобные шумные разговоры в коммунальной квартире на Брюсовской затихали после вмешательства Галины Бениславской, стремившейся убедить захмелевших поэтов в незнании ими современной ситуации в стране. Как член

партии она не могла равнодушно относиться к антипартийным высказываниям, к тому же быть посторонним наблюдателем не свойственно ее характеру.

Разговоры на антисемитские темы после ее вмешательства прекращались, спорщики переключались на литературные темы, но у Галины все больше и больше укреплялось недружелюбное отношение к Ганину и Ключеву, в которых она видела основных недоброжелателей, подталкивающих Есенина на эти скользкие политические темы. С таких позиций она после смерти Есенина описывала Н.Ключева и А.Ганина в своих воспоминаниях.